

Наталья Блищ,
БГУ, Минск

ОБРАЗ БЕЛОРУСА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ ПРОЗЕ

Ни в коем случае не претендуя на итоговость обобщений, я хочу поделиться беглыми впечатлениями, сложившимися во многом спонтанно – в процессе профессионально мотивированного знакомства с современной российской прозой.

Содержательное наполнение понятия «образ белоруса» связано со сложным процессом осмысления русскими писателями «белорусскости» как важного компонента общеславянской ментальности, одновременно соприродного «русскости» и конфликтного по отношению к ней. Советский еще стереотип об этногенетическом родстве русского и белорусского народов, сформировал представление и о близости двух культур, и о близости характеров. Как мне видится, «белорусское» для русского культурного сознания – это не только сумма маркированных реалий и набор художественных стереотипов, но и своего рода культурно-психологическое «зеркало», необходимое для самоидентификации.

Поскольку речь идет о текстах художественных, нужно допустить, что особенности ментальности и черты национального характера белорусов, запечатленные в российской прозе 2000-2010-х гг., весьма условны, и обусловлены они в первую очередь литературной традицией и воображением художника.

Николай Некрасов в поэме «Кому на Руси жить хорошо?» был первым из русских писателей, кто назвал своего персонажа белорусом. Он вкладывал в это определение геополитический смысл. Перманентные конфликты с Польшей обусловили формирование негативного стереотипа в русской литературе и создание отрицательного собирательного образа Польши еще в литературе Древней Руси. Принято считать, что выделение белорусов как этнокультурной общности произошло во время российской реакции на польско-белорусское восстание 1863 года: после подавления восстания население присоединенных сравнительно недавно пограничных земель намеренно рисовалось отсталым и обездоленным, а объединение с Россией должно было в перспективе принести ему процветание и прогресс. Русский поэт Николай Некрасов, будучи, как известно, причастным к актуальной российской журналистике, в поэме «Кому на Руси жить хорошо» воплощает идею «осчастливливания» в образе «желтоволосого белоруса» (скорее это синоним мужика-крестьянина вообще). *«А счастье наше - в хлебушке: / Я дома в Белоруссии / С мякиною, с кострикою / Ячменный хлеб*

жевал; / Бывало, вопишь голосом, / Как роженица корчишься, / Как схватит животы. / А ныне, милость божия! – / Досыта у Губонина / Дают ржаного хлебушка, / Жую – не нажуюсь!»[7]. Непосредственное желание вполне красноречиво: счастье для оголодавшего мужика – в том, чтобы удовлетворить первейшие потребности. На фоне образов мужиков «трудной судьбы» из российской глубинки простодушный белорус выглядит вполне безобидно, а тональность авторского отношения к нему – вполне приятная.

Самоироничность и склонность к скептической самооценке у белорусов привела к тому, что они сами писали о своем народе: «И жизнь белоруса, и его творческая деятельность резко отмечены печатью неразвитости, отсталости, забитости»[1].

Таким образом, во второй половине XIX века был сформирован стереотип восприятия белоруса и его изображения как героя, мягко скажем, «неразвитого». В русской литературе рубежа XIX-XX веков образы белоруса встречаются в произведениях А. Чехова, И. Бунина, М. Кузмина, А. Ремизова, Ф. Сологуба, и мн. др. В большинстве случаев в сознании писателей белорус – это житель черты оседлости с характерным набором примет другого народа, обитавшего в белорусских местечках. В остальных же – ошутима аналогия с персонажами-поляками, за которыми тянется шлейф политической неблагонадежности, склонности к бунту. А. Ремизов писал «белорусский» человек (через дефис), а белорусов называл «ополяченными русскими», сохраняя исключительно в положительный контекст, поскольку преклонялся перед польскими модернистами.

В произведениях советских писателей «белорусская» тема (в связи с почетным местом Белоруссии в номенклатурном ряду союзных республик), чаще всего попадала в сюжетную матрицу «Белоруссия – партизанская республика» (а ее аранжировка включала, как правило, образы землянок и печурок, сосен да туманов). Образы белорусов в прозе о войне создавались под влиянием непререкаемого авторитета Василя Быкова для русских писателей. В 1990-е годы белорусская военно-партизанская тема была отодвинута в русской прозе темой «кавказской» («чеченской»).

После развала СССР на первый план в восприятии образа ближайшего соседа опять выходит мотив «отсталости», при этом нередко в сочетании с элементами все того же партизанского дискурса. В повести *Марины Палей «Хутор»* этот мотив усилен гротескным преувеличением. Безымянная подруга главной героини происходила «из нищей белорусской деревни (где и через тридцать пять лет после войны жители, не обременяя душу рукомыниками, поливали себе на руки просто изо рта, а когда вода во рту

заканчивалась, брали алюминиевую кружку и вновь заполняли ротовую полость, причем объясняли данное положение именно войной и разрухой...»[8, с.35].

Еще более склонной к гиперболичности оказывается *Людмила Улицкая* в рассказе «*Цю-рих*». Главная героиня рассказа Лидия также родилась в Белоруссии «в избе с земляным полом и соломенной крышей, до пятнадцати лет ходила либо в валенках, либо босиком, а штаны первые завела уже в Москве, когда по большому везению попала в прислуги к хорошей барыне, а до того ходила без порток, как все белорусские крестьянки...»[10, с.149]. Жесткая ирония Улицкой по отношению к своей героине оправдывается сюжетным парадоксом: на протяжении рассказа Лидочка претерпевает чудесные превращения. Но к рассказу мы вернемся позже.

Своеобразно трансформируется мотив «отсталости» в романе *Александра Иличевского «Математик»*. Главный герой – Максим Покровский – получает Филдсовскую медаль (для математиков – аналог Нобелевской премии), уезжает из Москвы в Америку, где какое-то время преподает в университете, потом странствует. Но для нашей темы важен сюжетный виток о том, как Максим приезжает с отцом в белорусскую глубинку (в романе назван точный, не вымышленный адрес – Гомельская область, Светлогорский район, Паричский сельский совет), где почти 70 лет назад погиб его дед, чтобы найти там братскую могилу и почтить память предка.

Герой воспринимает Беларусь как социалистический заповедник: «Заночевали в Светлогорске, в «Доме колхозника» ... Номер их был убог: две тумбочки, две кровати, провонявший чем-то холодильник, телевизор, по которому шли угрюмые передачи, похожие на трансляции из детства: “Сельский час”, “Музыкальный киоск”, “Утренняя почта”» [4, с.43]. Отношение автора сформулировано недвусмысленно, при этом художественная тонкость, свойственная этому автору, например в описании Иерусалима (книга-травелог «Город заката») или Крыма (роман «Ай-Петри»), на наш взгляд, утеряна. Ландшафтный дизайн и архитектура белорусской деревни Печищи – конезавод, колхозные строения, братская могила с гранитной глыбой и барельефом героя, повторившего подвиг Матросова, четырехметровая статуя женщины с ребенком на руках у здания сельского совета – безусловно, эстетически сомнительны и заведомо проигрывают вечным образам Стены Плача, моря и гор. Деревенский быт передан Илическим с использованием эстетики «советской» декоративности, избыточной и оксюморонной: в шкафу, обвешанном грамотами и вымпелами, хранится початая бутылка водки и банка с огурцами, а в красном

уголке с гипсовым бюстом Ленина стоят кресла-кровати, заваленные перинами и лоскутными одеялами.

Второй классический стереотип связан с изображением белоруса в образе покорного и безмерно терпеливого работника, преодолевающего болезни и физические тяготы. Все тот же Н. Некрасов в стихотворении «Железная дорога» с сострадательным пафосом изображает изможденного лихорадкой больного белоруса с колтуном в русых волосах, тупо молчащего и мерзлую землю упрямо долбящего.

<p><i>...Видишь, стоит, изможден лихорадкою, Высокорослый больной белорус: Губы бескровные, веки упавшие, Язвы на тощих руках, Вечно в воде по колено стоявшие Ноги опухли; колтун в волосах; Ямою грудь, что на заступ старательно Изо дня в день налегала весь век...</i></p>	<p><i>Ты приглядишься к нему, Ваня, внимательно: Трудно свой хлеб добывал человек! Не разогнул свою спину горбатую Он и теперь еще: тупо молчит И механически ржавой лопатой Мерзлую землю долбит! Эту привычку к труду благородную Нам бы не худо с тобой перенять... [б, с. 49]</i></p>
--	---

Этот стереотип в современной российской прозе несколько видоизменился в связи с контаминацией белорусов со среднеазиатскими и закавказскими гастербайтерами в сознании многих писателей. Белоруса теперь порой изображают не молчаливым трудягой, а ловким обманщиком, хитрым, лентяем и вором.

Показателен образ армейского сослуживца автобиографического героя в цикле рассказов *Олега Лекманова «Из дембельского альбома»*. Ваня Кудаш – «полнощекий и нежнокожий белорус» из Слонима – помог как-то главному герою донести щит для стрельбы на изнурительном маршброске. Литературовед Лекманов дополняет портрет белоруса почти парафразом к некрасовским строкам: «От немецких влажных морозов у него гнили и распухали ноги» [5]. (Сравните: Вечно в воде по колено стоявшие / Ноги опухли; (Некрасов)). Но чтобы сделать плавный переход к отрицательной характеристике образа, Лекманов изображает его не мужественно натягивающим армейские сапоги, а ковыляющим «в деревянных тапочках сабо». Рецепция белоруса в новом контексте отражена у Лекманова предельно конкретно: «...земляки пристроили Ваню на хлебное место в полковой свинарник, но на третьем периоде его оттуда с треском выкинули за перепродажу гарнизонного бензина местным водителям» [5]. ореол мученического долготерпения белоруса замещается атрибутами приспособленчества и мошенничества.

Татьяна Толстая в повести «*Легкие миры*» переводит классический стереотип «белоруса – работяги-мученика» в

сатирическую плоскость. Героине повести Толстой – лектору одного из колледжей в Нью-Джерси – нужно в короткие сроки убрать свой дом: «Стерильность в Нью-Джерси обеспечивали только двое, белорусы по фамилии Жук и Курочка, живущие тут без разрешения и поэтому нанимавшиеся ко всем русским американцам на любую тяготу: от починки крыши до уборки дома» [9, с.213].

В качестве конкурентного преимущества работников Толстая выдвигает такой аргумент: «не чурались вообще никакой грязи» [9, с.213], однако акцентирует внимание на алчности героев: «Драли они с нас безбожно», а также и на мошенничестве: «Понимая свою незаменимость, они ловко, жестоко и слаженно работали по одной и той же схеме: назначали примерную, вполне приемлемую цену, предупреждали, что возможны будут уточнения, и незадолго до конца работы, когда все было разворочено и сдвинуто, уточняли цену до чудовищной цифры – разводили лохов» [9, с.214].

В русле гоголевских традиций Татьяна Толстая наделяет своих героев-белорусов комическими фамилиями: «Терминаторы были супругами, причем жена была как раз Жук, а муж, против всякого ожидания, Курочка, и это была, кажется, не единственная их перверсия» [9, 214]. Толстая вовсе не намекает на гендерный переворот в традиционном распределении ролей, она верна фольклорной и русской литературной традиции изображения властных женщин западных и юго-западных регионов (украинок, полек, белорусок, которые, в отличие от некрасовских женщин, коней на скаку не останавливают...) и иронизирует над добровольно-мазохистским подчинением их мужей.

В российской прозе XXI века есть и другие примеры обыгрывания смешных фамилий героев-белорусов. Показательно, что анимализм фамилий свойственен всему славянскому миру, однако для русского уха фамилия «Жук» звучит смешнее, чем «Жуков», а «Медведь» – комичнее, чем «Медведев». Вспомним, что Н.В. Гоголь коллекционировал украинские фамилии не только в сюжетных целях, но и попросту для юмористической расцветки текстов.

Так и в романе Аллы Боссард «Холера» главный герой – «Анатолий Игнатьевич Чибис — по профессии программист, по национальности ориентировочно белорус, по убеждениям либерал, по характеру анархист» [2], попадает в инфекционную больницу имени Т.Х. Майбороды, в финале романа превратившуюся в психиатрическую больницу «Кащенко» или «Канатчикову дачу»..

Вернемся к рассказу Л. Улицкой «Цю-рих». У героини-белоруски – нет фамилии, зато есть детское прозвище «Лидка-гусыня», ставшее зерном сюжета: из гусыни Лидка должна будет превратиться в лебедя. По сложившейся в классике традиции героиня

из деревни становится домработницей при Эмилии Карловне – даме из бывших дворян, скрывшихся от преследований НКВД за комиссарством мужа. Хозяйка обучает свою прислугу немецкому языку и светским манерам, что позволяет Лидке постепенно подниматься по социальной лестнице. Всезнающий повествователь дает Лидии такую характеристику: «Хотя среди многих ее достоинств, включающих даже и простодушие, искренности как раз и не было. Скорее она была хитровата. Вот именно, простодушна и хитровата. Но если говорить о стратегии ее жизни, то именно в данном случае она собиралась хитрить, и охмурять, и даже обманывать» [10, с.148]. Приемами хитрости и техникой обмана героиня владела в совершенстве, это и позволило ей выйти замуж за швейцарца, олицетворяющего в ее судьбе чудесный социальный лифт: «И отбыла Лидия с Белорусского вокзала в город с журливым и шелестящим именем «Цю-юрихь», где полны подземелья золота, где жил Ленин, сидел там на набережной реки Лиммат, в кафе «Одеон», кушал штрудель и осыпал сладкие крошки на том Маркса... При слове «Цю-юрихь» во рту» делалось сладко...»[10, с.149].

Сергей Шаргунов в семейно-историческом романе «1993» пишет о лихих 1990-х. Образ «горящего дома» прочитывается в контексте и политическом (вынесенный в название год напоминает о горящем в Москве «Белом доме»), и в экзистенциальном. Это роман о судьбе интеллигента Виктора Брянцева, его семье, его окружении – работниках аварийной бригады Московского МЧС. У них поначалу только клички – Клещ, Кувалда, Белорус. Последний персонаж в свете нашей темы особенно интересен не только своим прозвищем, но и характером. В сюжете о том, как аварийная бригада приезжает по вызову на одну из московских улиц, где взорвалась цистерна с горючим и погибли люди, а Валерка Белорус – «усатый водитель» бригады, напоминает, что «пора обедать».

Несколько позже читатель узнает, что прозвище «Белорус» герой получил не случайно. «У меня отец в Гродно живет, ветеран, партизан...»[11, с.78], – как-то вспоминает герой. С. Шаргунов наделяет своего героя-белоруса чувством юмора: когда нетрезвый герой врзался в подножие памятника Долгорукому, то он объяснил это желанием познакомиться с князем.

Мотив злоупотребления спиртным в русской прозе нередко окрашивает сцены с участием белорусов. Так, например, в уже упомянутом романе «Математик» А. Иличевского герой возвращается «из Белоруссии» в американский семинар с бутылкой Jameson, и попивает его в процессе занятий. *Олег Ермаков* в повести «Возвращение в Кандагар» рисует образ начальника морга: «толстый, бледный носатый белорус в форме без знаков различия, плавал в

спиртовом облаке, отдавал распоряжения, пошучивал» [3]. В романе А. Иличевского «Матис» появляются беспрестанно матерящиеся и вечно пьяные белорусы-гастербайтеры; в романе В. Сорокина «Тридцатая любовь Марины» одна из героинь, по всем признакам белоруска, была большая любительница красного вина и Шарля Азнавура.

Опять же, вспомним, что в разгар присоединения к России пограничных с Польшей территорий, присоединенный народ изображался порочным, нуждающимся в исправлении. Этнограф Н. Янчук об отличительной черте белорусского национального характера писал: «Водка и пьянство — вот второе, после невежества, несчастье белоруса»[12, с.26].

Приятно в этой связи вспомнить русскую классику, того же некрасовского героя-белоруса, который по сравнению с другими героями-крестьянами, выпивающими ведрами, поскольку просит налить ему «маненичко».

*Желтоволосый, сгорбленный,
Подкрался робко к странникам
Крестьянин-белорус,
Туда же к водке тянется:
"Налей и мне маненичко,
Я счастлив!"- говорит. [7 с.47]*

Как точно заметил М.М.Бахтин, понимание «рождается на границе». Но и непонимание – как оборотная сторона распознавания и попыток идентификации – в не меньшей степени зависит от границ. Границ не столько в прямом «демаркационном», сколько в духовном смысле. Граница между русским и белорусским культурными мирами выражена не так отчетливо и зримо, как, скажем, между Россией и Китаем. Территориальное соседство и языковая близость делают ее порой почти виртуальной. Но именно это – размытость границы, модальность неопределенности, затушёванность потенциальных контрастов, ощущение «свойскости» и «соседства» – именно это и делает проблему взаимопознания и литературного взаимоотражения особенно неоднозначной. Как я попыталась показать, «близость» в данном случае может обернуться латентным фундаментом специфической «пристрастности», влияющей на художественную стилистику – на отбор тех или иных устойчивых «портретных» характеристик.

Является ли историко-культурная, конфессиональная и языковая родственность этносов предпосылкой лучшего взаимопонимания?

Понятно, что любое отражение, а литературное в особенности, говорит и о свойствах **отражаемого**, и о качествах **отражающего** – и еще о многих вещах, имеющих отношение не только к

художественной рефракции, но и к психологии (будь то коллективное бессознательное или травматический опыт конкретной творческой личности).

Литература

1. Багдановіч, А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов: Этнографические очерки / А. Багдановіч. – Гродно: Губернская типография, 1895. (Репринт 1995) – 136 с.
2. Боссард, А. Холера / А. Боссард // Дружба народов, – 2012. – №6. Электронный ресурс: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2012/6/b5.html>. Дата доступа: 11.02.2015.
3. Ермаков, О. Возвращение в Кандагар/ О. Ермаков // Новый мир – 2004 – №2. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/2/. Дата доступа: 13.02.14.
4. Иличевский, А. Математик / А. Иличевский – М.: АСТ, Астрель, 2011.
5. Лекманов, О. Из дембельского альбома / О. Лекманов. – Новый мир. – 2007 – №9. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/9/. Дата доступа: 11.02.2015.
6. Некрасов, Н.А. Полн. Собр. соч. и писем в 15 т. / Н.А. Некрасов. – М.: Наука, 1981 – 1985. Т.5.
7. Некрасов, Н.А. Полн. Собр. соч. и писем в 15 т. / Н.А. Некрасов. – М.: Наука, 1981 – 1985. Т.2.
8. Палей, М. Хутор / М. Палей. – Новый мир. – 2004. – №9. Электронный ресурс: http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2004/9/. Дата доступа: 23.03.12.
9. Толстая, Т.Н. Легкие миры / Т.Н. Толстая. – М.: АСТ, 2015. – 477 с.
10. Улицкая, Л. Цю-рихъ / Л. Улицкая. М.: Эксмо-Пресс, 2006. – 321 с.
11. Шаргунов, С.А. 1993 / С.А. Шаргунов, М.: АСТ, 2013. – 568.
12. Янчук, Н. По Минской губернии (заметки из поездки в 1866 году). — М., 1886. – 26с.